

И сейчас Цю Минцюань тем же способом вывел первую букву фамилии «Цю» пиньинем, давая понять, что он вернулся, что он здесь.

...Глухой удар раздался у дверей палаты: термос в руках Лю Циньхуа выскользнул и упал на пол, ароматный куриный бульон разлился повсюду.

Громкий голос Лю Циньхуа зазвучал, наполненный радостью и слезами:

— Вызовите врача! Быстрее! Не стойте как вкопанные!

Целые часы суеты, шума и гама. Двое пожилых из семьи Цю, Сян Юаньтао и Фэн Юньхай, старшие поколения, а также семья Лю Циньхуа и даже Чжан Фэнсун — все сели в машины и вслед за Лю Дунфэном помчались в больницу.

Главный врач уже завершил полный комплекс предварительных обследований и не мог скрыть улыбки:

— Поздравляю, вы наконец очнулись благодаря собственным усилиям! Я боялся, что чем дольше продлится кома, тем меньше шансов на пробуждение, но, к счастью, всё обошлось!

Он снял стетоскоп и с облегчением продолжил:

— Физические функции в порядке, продолжительность комы была не слишком долгой, и это не привело к атрофии мышц или другим симптомам. Хотя показатели немного слабые, но вы молоды, немного отдыха — и всё будет в порядке.

В палате набилось битком, бабушка Цю, стоявшая спереди, жадно смотрела на врача:

— Доктор, это... это всё? Не будет ли рецидивов?

Дедушка Цю вдруг сердито дёрнул её за рукав:

— Что за глупости, конечно, не будет!

Врач улыбнулся:

— Обычно такие опасения не оправдываются. Разве что снова произойдёт подобное сотрясение мозга, тогда возможно повторение.

Все в комнате облегчённо вздохнули, заговорив наперебой:

— Ну и хорошо, ну и хорошо! Молодые быстро восстанавливаются, так что всё будет в порядке!

— Да, да, как же это прекрасно... — Бабушка Цю заплакала от счастья.

Рядом Сян Юаньтао, взглянув на жену с покрасневшими от слёз глазами, тихо обнял её за талию.

Чжан Фэнсун был полон мыслей. Он хотел было найти момент, чтобы доложить начальнику о впечатляющих результатах работы сети супермаркетов, но, увидя всеобщую радость, сдержался.

Ведь что деньги, когда человек очнулся — это самое главное!

Цю Минцюань полулежал на кровати, глядя на окружающих его родных и друзей, и вдруг почувствовал странное оцепенение, будто не понимал, где находится.

В прошлой жизни он был маленьким, ничтожным, бедным, всю жизнь боролся на самом дне общества, тихо живя с двумя пожилыми людьми. А теперь, прожив жизнь заново, вся его судьба полностью изменилась.

Даже его биологические родители, которые в прошлой жизни исчезли без следа, теперь вернулись к нему таким невероятным образом.

Эта теплота и завершенность вдруг вызвали в нём робость, он не мог поверить в реальность происходящего.

— О чём думаешь? — тихо спросил Фэн Жуй рядом.

Цю Минцюань очнулся и посмотрел на юношу рядом, только теперь заметив, что его рука снова оказалась в его ладони.

— Я думаю... кто это всё время шумел у меня в ушах, пока я спал, — Цю Минцюань слабо улыбнулся, и эта улыбка в глазах Фэн Жуя сияла, как драгоценный камень. — Я слышал, как плакала женщина, но больше — как мужской голос что-то говорил мне.

Фэн Жуй пристально смотрел на него:

— Что говорил?

— Угрозы, наверное. Улыбка на губах Цю Минцюаня становилась всё шире, он искоса посмотрел на юношу. — Что-то вроде «даю тебе последний шанс»... или «если не очнёшься, я тебя забуду».

Всё ещё слабый после болезни, он выглядел особенно трогательно, совсем не похожий на свой обычный холодный и мудрый вид. Шутя и подтрунивая, он заставил Фэн Жуя постепенно покраснеть.

— Ты хочешь сказать, что это я тебя разбудил? — пылкий взгляд юноши был открытым, полным безумной радости от того, что он снова обрёл потерянное. Он не отрывал глаз от Цю Минцюаня, заставляя того содрогнуться.

Цю Минцюань вздохнул в душе и мягко сказал:

— Да.

Но не только ты. Был ещё один человек.

Как и юный Фэн Жуй, он говорил ему угрозы, каждую ночь, злобно призывая его.

Когда его сознание блуждало в бездонной пучине, и он не мог выбраться на поверхность, этот голос снова и снова тянул его, не давая окончательно погрузиться.

Эти двое... даже в призывах больного были одинаково властны и настойчивы.

Через три дня Цю Минцюань наконец выписался из больницы.

Вэй Цин молча оформила все документы, а Сян Юаньтао лично отвёз его домой.

Войдя в дом семьи Цю, Сян Юаньтао и Вэй Цин всё время молчали.

Вэй Цин, сдерживая эмоции, сначала тщательно осмотрела комнату Цю Минцюаня, а затем, сев на диван в гостиной, не смогла сдержать слёз.

Комната была небольшой, около десяти квадратных метров. Для обычной семьи это было вполне приемлемо, но по сравнению с особняками семей Сян и Фэн выглядело скромно.

К тому же, у Цю Минцюаня не было привычки к роскошной жизни, комната парня была простой: аккуратно сложенное постельное бельё, упорядоченные письменный стол и книжные полки. В глазах Вэй Цин это говорило о том, что Цю Минцюань с детства привык заботиться о себе, и её сердце сжималось от боли.

Другие парни его возраста всё ещё были сосредоточены на учёбе, жили в достатке, даже Сян Чэн дома не стирал и не убирал, кроме учёбы больше времени посвящая игре на музыкальных инструментах.

Глядя на эту чистую и уютную квартиру, Вэй Цин вспомнила слова пожилых Цю о том, что почти все деньги в доме заработал сам Минцюань, и её сердце чуть не разорвалось от боли.

Сян Юаньтао, глядя на жену, сжал большие руки на коленях.

Дедушка и бабушка Цю с тревогой смотрели на них. Взрослые обеих семей заранее обсудили всё, но в последний момент у пожилых людей в душе было смешанное чувство.

— Минцюань, садись, — бабушка Цю усадила его, чувствуя горечь в сердце. — У нас, взрослых, есть кое-что, что мы хотим тебе сказать...

Вэй Цин, с глазами, полными слёз, не отрывала взгляда от Цю Минцюаня.

В тот день, перед происшествием, она, казалось, намекнула ему, но, вспоминая потом, даже запуталась: в ту ночь, на грани жизни и смерти, понял ли он на самом деле её слова?

Цю Минцюань глубоко вздохнул, его лицо было немного бледным, и он наконец поднял глаза на Сян Юаньтао и Вэй Цин.

В его душе Президент Фэн глубоко вздохнул:

— Это... даже я не ожидал. Решай сам.

Цю Минцюань встал, наклонился и взял чайник, налив по две чашки для Сян Юаньтао и его жены. Он опустил глаза, казался спокойным, но слегка дрожащие руки выдавали его.

Цю Минцюань сдержал грусть и волнение в сердце, взял чай, подошёл к Сян Юаньтао и его жене, почтительно поднял руки, и его голос слегка дрожал:

— Папа, мама... пейте чай.

Вэй Цин уже хотела взять чашку, но, услышав это, словно получила удар молнии, её руки сильно задрожали, и зелёный чай пролился на пол.

Она изо всех сил старалась удержать чашку, но через мгновение уже залилась слезами.

Сян Юаньтао также был потрясён. Обычно суровый и холодный мужчина, услышав это мягкое

«папа, мама», вдруг покраснел.

Он протянул руку, слегка погладил голову Цю Минцюаня, а затем неловко отдернул её.

— Сынок, мы... мы все эти годы действительно думали, что тебя больше нет.

Пожилые Цю тоже начали вытирать слёзы.

Цю Минцюань кивнул, в его глазах тоже появились слёзы, но на губах была улыбка:

— Я знаю.

Он оглянулся на дедушку и бабушку Цю, а затем искренне посмотрел на Сян Юаньтао и его жену:

— Все эти годы я жил действительно хорошо. Дедушка и бабушка дали мне всё лучшее, что у них было.

Его глаза были ясными, улыбка спокойной, красивое лицо словно светилось:

— Я знаю, что вы переживаете за меня, но я действительно не страдал... Я всегда чувствовал себя счастливым.

Хотя в прошлой жизни было трудно, но в этой жизни небо уже компенсировало ему слишком много.

Вэй Цин, с глазами, полными слёз, смотрела на него:

— Сынок, мы... мы тоже очень благодарны дедушке и бабушке. Сегодня... сегодня мы хотим обсудить с тобой кое-что.

Автор хотел бы добавить:

Президент Фэн: (самолюбование) Я просто хочу сказать, что название этой главы очень подходит моему статусу.

Маленький Фэн: Да, да, я всегда говорил, что тут есть дьявол.

<http://bllate.org/book/16729/1539322>